

Глава 7

Жизнь императора подчинялась суровому распорядку: вставать раньше петухов, а ложиться позже собак.

Подъём в четыре утра, утренний приём в пять, завтрак в восемь. Ранние подъёмы и отбои, трёхразовое питание — такой режим был куда здоровее его прошлой жизни, когда он в университете вкалывал как рабочий скот.

За завтраком Ин Тяньци особенно пришлось по вкусу блюдо из клейкого риса с креветками и курицей в лotosовых листьях. Запивая его супом из ласточкиных гнёзд, он почувствовал, как к нему возвращается аппетит. Но стоило ему потянуться за четвёртой порцией, как Чжан Фуцюань, прислуживавший за столом, обменялся взглядом со служанкой. Та бесшумно подошла и убрала тарелку, источавшую тонкий аромат лотоса.

Наблюдать, как от него уносят любимое лакомство, было зрелищем весьма досадным.

Юноша бросил палочки для еды и махнул рукой, отсылая слуг прочь.

Заметив его недовольство, старый евнух подобострастно приблизился и вкрадчивым голосом попытался его успокоить:

— Ваше Величество, по правилам предков, одно блюдо не подобает есть больше трёх раз. Отведайте лучше хрустальные паровые пельмени, это новое творение императорской кухни.

— Не нужно.

Откинувшись на спинку стула, государь смерил собеседника оценивающим взглядом.

Чжан Фуцюаню стало не по себе. Он растянул губы в заискивающей улыбке:

— Что прикажете, Ваше Величество?

— Да так, ничего особенного, — Ин Тяньци выпрямился и, скосив на него глаза, небрежно бросил: — Ты вчера говорил, что Управление дворцовых служанок отобрало новую партию девушек с хорошими задатками?

Евнух, этот прожжённый придворный лис, привыкший вращаться подле государя, по одному лишь намёку понял, чего желает император и что от него самого требуется.

Его маленькие глазки-бусинки забегали, и он осторожно прощупал почву:

— Тогда... слуга ходит в Управление и приведёт их, чтобы Ваше Величество взглянул?

В других делах старик не отличался расторопностью, но в этом оказался на удивление сообразителен.

Ин Тяньци одобрительно кивнул. Получив приказ, тот тут же семенящей походкой поспешил прочь.

Вскоре он вернулся в Дворец Небесной Чистоты. В это время император, закинув ноги на стол, читал какой-то роман. Услышав шаги, он опустил книгу, оставив над краем лишь глаза, и оглядел пришедших.

Чжан Фуцюань привёл шесть девушек в одинаковых скромных нарядах служанок. На вид им было не больше четырнадцати-пятнадцати лет.

Девушки, попадавшие во дворец, так или иначе, не могли быть дурнушками, а эти и вовсе выделялись. Хоть и без косметики, ещё совсем юные, они все были настоящими красавицами, хоть ещё и не расцветшими.

Государь скользнул взглядом по их лицам.

Крайней слева стояла та самая служанка, которую он встретил ночью, — Бай Сяохэ. Вчера, при свете луны, он видел лишь её силуэт и смутно помнил, что она чем-то похожа на Бай Сяочжо. Теперь, присмотревшись, он убедился в их сходстве.

Бай Сяочжо был светлокожим и миловидным, но его сестра оказалась ещё краше. Холодные глаза феникса, родинка на кончике носа и спокойное, отстранённое выражение лица — она была подобна своему имени, словно лотос, что растёт из грязи, но остаётся чистым.

Она выглядела умной и решительной. Вчера, в такой напряжённой ситуации, она сумела помочь своему рыдающему брату чётко изложить суть дела, сохраняя при этом полное самообладание. С самого начала и до конца она оставалась совершенно спокойной.

Но что ещё важнее — у неё был конфликт с Чжан Фуцюанем, человеком вдовствующей императрицы.

Он, марионеточный император, чтобы выжить во дворце и добиться своих целей, должен был создать круг своих доверенных лиц и укрепить влияние. Это был единственный путь.

И хотя эта девушка была молода и неопытна, после должной закалки она могла стать незаменимой помощницей.

— Ты.

Приняв решение, Ин Тяньци небрежно взял со стола фрукт и бросил его Бай Сяохэ.

— Приглянулась ты мне. Будешь служить при мне.

— Ох, Ваше Величество оказывает тебе великую честь! Что же ты стоишь, глупая девчонка, немедленно падай на колени и благодари за милость! — подсказал Чжан Фуцюань.

Бай Сяохэ тотчас же совершила глубокий поклон:

— Благодарю Ваше Величество за великую милость.

В Дворце Небесной Чистоты круглый год курился амбровый ладан. Его аромат настолько пропитал всё вокруг, что стоило лишь ненадолго зайти внутрь, как одежда начинала источать тот же запах.

Бай Сяохэ, опустив глаза, последовала за евнухом из зала.

В присутствии императора тот был сама покорность, но стоило ему покинуть дворец, как он тут же превращался в напыщенного петуха. С метёлкой в руке, он искоса взглянул на идущую за ним девушку, неопределённо хмыкнул и пропел своим гнусавым голосом:

— Неожиданно. А ты, девчонка, оказалась удачливой.

Бай Сяохэ за время пребывания во дворце научилась не только этикету, но и тому, что, когда и кому следует говорить.

Опустив взгляд, она тихо и мягко произнесла:

— Этой возможностью я обязана лишь вашей милости, господин евнух.

Эти слова пришлись Чжан Фуцюаню по душе. Он улыбнулся:

— Хорошо, что понимаешь.

Помолчав, он добавил:

— Ты девка сообразительная, да и личиком вышла. Я уж думал приласкать тебя, да только судьба у тебя, видать, другая. Раз так, служи государю верой и правдой. Ублажишь его — и

тебя не обделят. Из служанки в госпожи выбьешься, чем не счастье? Я от тебя многого не прошу, лишь помни мою доброту. Когда получишь своё, не забудь, кто тебе в трудную минуту помог. Этого будет довольно.

— Вашу великую милость Сяохэ не забудет никогда.

Евнух продвигает служанку, чтобы та завоевала расположение господина, а служанка замолвит за евнуха словечко — взаимовыгодный союз, не новый для этих дворцовых стен.

Бай Сяохэ прекрасно понимала, чего хочет старик. И хотя его лицемерие вызывало у неё отвращение, она ничем не выдала своих чувств, сохранив на лице выражение кротости и покорности.

Вместе с ним она отправилась к главной матушке Дворца Небесной Чистоты, сменила одежду и целый день изучала правила и этикет службы при императоре. Вечером Чжан Фуцюань снова нашёл её и велел стоявшему позади молодому евнуху передать ей поднос с изысканными сладостями.

— Государь приказал тебе прислуживать ему лично. Все правила выучила?

— Отвечаю господину евнуху, всё выучила.

— Хорошо. Тогда сегодня вечером ты будешь прислуживать в его покоях. Следуй за мной.

С подносом в руках Бай Сяохэ последовала за Чжан Фуцюанем в спальню покои Дворца Небесной Чистоты.

Дворец императора разительно отличался от Управления дворцовых служанок — разница была как между небом и землёй. Даже каменные плиты во дворе были украшены искусной резьбой. Хотя наступила ночь, во дворце было светло как днём, свет проникал даже в самые дальние уголки.

Бай Сяохэ незаметно осматривалась и вдруг заметила сбоку чью-то подозрительную фигуру.

Приглядевшись, она увидела Бай Сяочжо, который прятался за коралловым кустом и смотрел на неё с нескрываемой тревогой.

Бай Сяохэ послала брату успокаивающий взгляд.

Их семья была бедна. Брат, как второй сын, был рано отправлен во дворец, чтобы облегчить бремя семьи, и теперь она, младшая дочь, поделила его участь.

Перед отъездом мать умоляла её быть умной и послушной. Только добившись успеха, она сможет помочь семье. Ведь старшему брату уже пришло время жениться, и ему нужны были деньги на выкуп за невесту, которые могли дать только они, служившие во дворце.

«Жизнь таких, как они, ничего не стоила. Красота была не даром, а проклятием, притягивающим беды, и Чжан Фуцюань был тому примером»

«Этот жирный, отвратительный евнух был слугой императора. И если слуга таков, то каков же его господин?»

«Все мужчины одинаковы: на словах — золото и парча, а на деле — гниль и грязь. Вчерашние обещания помочь и защитить были лишь способом перевести её из рук одного мужчины в руки другого»

«Чем он, со своим высоким статусом и красивыми словами, отличался от того кастрата?»

«Но, попав в этот глубокий колодец дворца, ни сердцу, ни судьбе не прикажешь»

«Если уж выбирать покровителя, то император, несомненно, надёжнее старого евнуха»

Бай Сяохэ не была глупой и прекрасно понимала своё положение.

У дверей спальных покоев Чжан Фуцюань и Бай Сяохэ вошли внутрь.

В это время печально известный молодой император лежал на кушетке с закрытыми глазами, перекачивая в руке два грецких ореха.

— Ваше Величество?

Услышав голос евнуха, Ин Тяньци приоткрыл один глаз, взглянул на него, а затем на покорно стоящую за его спиной Бай Сяохэ.

— Пришла? — он зевнул и выпрямился. — Можешь идти. Сегодня ночью она будет прислуживать мне. И помни, держись подальше, не входи без дела и не порти мне настроение.

— Слуга повинуется.

Чжан Фуцюань удалился. Дверь закрылась, и в спальне остались только они вдвоём да трепещущее пламя свечей.

— Бай. Сяо. Хэ.

После долгого молчания Ин Тяньци медленно, по слогам, произнёс её имя.

Бай Сяохэ опустила глаза:

— Служанка здесь.

Тот продолжал перекатывать орехи. Их шершавая поверхность тёрлась друг о друга, издавая едва слышный шорох:

— Вчера я обещал тебе и твоему брату, что разберусь с издевательствами Чжан Фуцюаня.

Сердце Бай Сяохэ не дрогнуло:

— Великая милость Вашего Величества... служанка не сможет отплатить...

— Эй, не надо, — прервал её Ин Тяньци, заканчивая мысль. — Я всегда держу своё слово. Но сейчас обстоятельства не позволяют действовать открыто, поэтому я могу лишь временно избавить тебя от его власти таким способом. Не нужно говорить о вечной благодарности и служении в следующей жизни. Мы оба знаем, что это пустые слова. Мне от тебя нужно немного: лишь память о сегодняшней услуге и... верность.

В древности не было электричества, и вечером приходилось полагаться на тусклый свет свечей. Ин Тяньци, проведя весь день за докладами, чувствовал усталость в глазах. Говоря это, он снова прикрыл веки, и его голос звучал лениво:

— Конечно, верность, добытая пустыми обещаниями, ничего не стоит, и ты, вероятно, не поверишь мне на слово. Поэтому говори сейчас. Что ты хочешь? Что тебе нужно? Я могу дать тебе это. В обмен на твою службу и твою жизнь. Как тебе такое предложение?

При этих словах сердце Бай Сяохэ дрогнуло, но она ничем не выдала своего волнения:

— Я лишь ничтожная служанка, как я могу быть достойна служить Вашему Величеству?

— Если бы я считал тебя недостойной, ты бы здесь не стояла, — усмехнулся император. — Вчера, когда я застал вас с братом, ты не выказала ни малейшего страха. Это говорит о твоей смелости. Ты знаешь тайны Управления дворцовых служанок, о которых другие и не слышали, и можешь ясно изложить их. Это говорит о твоём умении собирать информацию, о твоей проницательности и уме. Ты ненавидишь Чжан Фуцюаня и не желаешь ему подчиняться, но поддерживаешь с ним сносные отношения, настолько, что он сам привёл тебя ко мне. Это говорит о твоём знании человеческой природы, о хитрости и умении терпеть и ждать.

Орехи перекатывались в его ладони. Помолчав, он добавил:

— Кроме того, ты очень наблюдательна и понимаешь, кто может дать тебе то, чего ты хочешь. И самое главное, я вижу, как ты заботишься о своём брате. У тебя есть слабость. Судя по всему, и по моему опыту, такие люди, как ты, могут быть очень жестоки. Бай Сяохэ, ты — птица высокого полёта, и я... очень ценю это.

Эти слова заставили Бай Сяохэ внутренне содрогнуться.

Она слышала, что нынешний император — никчёмный правитель, погрязший в разврате и пьянстве. Но мог ли такой человек произнести подобные речи?

Правду ли он говорит? И насколько ему можно верить?

Но сегодня, как бы то ни было, у неё не было лучшего выбора.

После недолгого размышления Бай Сяохэ опустилась на колени и поклонилась:

— Мой брат — человек мягкосердечный, добрый и наивный. Во дворце его постоянно притесняют и обижают. Если Ваше Величество сможет защитить его, Сяохэ готова отдать всё, чтобы служить вам верой и правдой.

Услышав это, Ин Тяньци медленно улыбнулся:

— Договорились.

С этими словами он встал и поправил одежду:

— Встань. Впредь, когда мы будем наедине, можешь не преклонять колени. И вот ещё что. Служа мне, ты должна быть, во-первых, умной, а во-вторых, хорошей актрисой. Ты, должно быть, уже поняла, что Чжан Фуцюань — не мой человек. Этот негодяй целыми днями следит за каждым моим шагом для вдовствующей императрицы, лишая меня всякой свободы. Поэтому, и ради себя, и ради невинных слуг, которых он обижает, я должен с ним разобраться.

Юноша отложил орехи, зевнул и направился к кровати:

— Так что тебе придётся подыграть. С этого момента твоя роль — моя любимая служанка, безмерно благодарная ему за своё возвышение. Понятно?

Бай Сяохэ не поняла некоторых слов, но уловила суть.

Он хотел, чтобы она продолжала заискивать перед Чжан Фуцюанем, чтобы завоевать его доверие и облегчить будущие действия.

Она кивнула. Увидев, что император снимает верхний халат, она вспомнила наставления матушки и, следуя этикету, подошла, чтобы помочь ему переодеться.

Но когда она приблизилась, Ин Тяньци инстинктивно отступил на шаг:

— Ты что делаешь?

Бай Сяохэ тут же опустила глаза:

— Помогаю Вашему Величеству переодеться.

— А... не нужно.

Ин Тяньци, воспитанный в современном мире, привык всё делать сам. Семейное воспитание и погружённость в учёбу сделали его человеком, далёким от романтических увлечений — он даже за руку девушку никогда не держал. Его праведность и долгое одиночество дошли до того, что его собственная мать однажды осторожно поинтересовалась его сексуальной ориентацией.

Когда ему прислуживали евнухи, он, хоть и с трудом, но терпел, ведь они были одного с ним пола. Но чтобы девушка помогала ему переодеваться — это было совершенно невыносимо.

Тем более она была ещё несовершеннолетней. Одно её приближение вызывало у него чувство вины и заставляло кожу покрываться мурашками.

— ...Но сегодня придётся сыграть, — Ин Тяньци сглотнул и поправился: — Я сказал, что ты будешь прислуживать мне лично. Так что сегодня останешься здесь. Закрой дверь на засов. Придётся тебе потерпеть и провести ночь со мной. Не волнуйся, спать будем раздельно. Ты можешь лечь на той...

Он хотел сказать «на той кушетке», но посчитал, что заставлять девушку спать на диване — это невежливо. Он замялся и посмотрел на свою кровать.

Бай Сяохэ по его колебаниям смутно догадалась о намерениях императора.

Пока что этот господин казался ей очень странным. Она не могла понять ни его характер, ни его цели. И хотя это казалось маловероятным, прежде чем он произнесёт слова, которые поставят его в положение бунтовщика, а её сделают соучастницей и лишат головы, она сделала реверанс:

— Благодарю Ваше Величество за милость, я повинуюсь Вам.

Ин Тяньци молча закрыл рот.

Почему-то ему показалось, что за этими восемью словами скрывался невысказанный смысл:

«Подумай, прежде чем говорить!»

<http://bllate.org/book/15980/1442353>